

Кифа

«И сами, как живые
камни, устройте
из себя дом духовный»

В газете использованы
материалы сайтов sf.ru и psmb.ru
Статьи публикуются на сайте gazetakifa.ru

4 (174)
март 2014

12+

Издание Преображенского содружества
малых православных братств

Одобрено Синодальным информационным
отделом Русской Православной Церкви

С. 2

Истоки нашей силы и слабости

О них говорили на седьмом заседании семинара «Историческая память: XX век», который три года проводится под эгидой Постоянной комиссии по исторической памяти Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека

С. 5

Вызовы современного мира Православию будут обсуждать через два года на Всеправославном соборе

6–9 марта в Стамбуле прошла встреча предстоятелей и представителей Поместных православных церквей. На ней обсуждалась подготовка запланированного на 2016 год собора

С. 6-7

Вопрос о человеке – один из самых острых для людей, проходящих оглашение

Несколько номеров подряд мы планируем публиковать интервью по теме предстоящей конференции СФИ. В этом номере о раскрытии темы человека на основном этапе оглашения размышляют Владимир Якунцев и Давид Гзгзян

Открытая встреча

Сегодня в нашем приложении – виртуальная экскурсия по выставке работ выдающегося русского художника Павла Дмитриевича Корина (1892–1967), представленной в залах Третьяковской галереи на Крымском валу. Её ведет преподаватель церковного искусства Свято-Филаретовского института профессор А.М. Копировский

Самая горячая тема XXI века

В Свято-Филаретовском институте на конференции в мае собираются обсудить, как раскрывается тема человека на основном этапе оглашения

Конференция продолжит цикл, посвящённый проблемам возрождения катехизации в русле святоотеческой традиции. Начиная серию подготовительных публикаций, представляющих собой прежде всего интервью с катехизаторами, мы хотели бы вспомнить основные итоги предыдущих конференций, связанных с темой возрождения святоотеческой традиции катехизации.

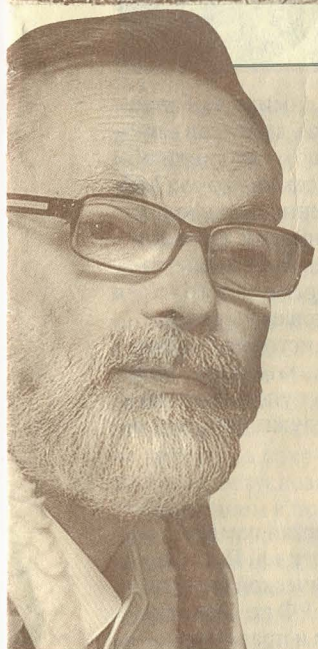
Первая из них – «Традиция святоотеческой катехизации: пути возрождения» – прошла в Москве в мае 2010 года. Для участия в обсуждении СФИ собрал в основном практиков, не первый год занимающихся миссией и катехизацией. Именно это обстоятельство позволило его участникам поделиться не умогательными построениями и схемами, а пережитым и выстраданным опытом. В

конференции приняли участие священнослужители и миряне трёх Поместных православных церквей (было представлено пятнадцать епархий РПЦ), преподаватели и студенты духовных семинарий и академий, представители ПСТГУ, сотрудники связанных с тематикой конференции синодальных отделов – ОРОиК и Миссионерского отдела МП.

Вторая из этой серии ежегодных конференций прошла в мае 2011 года. В этот раз внимание участников было сосредоточено на первом этапе катехизации – на оглашении так называемых «слушающих». Как отмечала в те дни «Кифа», «состав участников, кажется, не претерпел за год значительных изменений, однако появились и некоторые новые интересные лица. Это оказалось очень плодотворным и сильно содействовало созданию вдохновляющей

рабочей атмосферы. Как другой позитивный момент следует отметить тот факт, что представители от многих епархий приехали непосредственно по благословению своих правящих архиереев. Это не просто некий символический знак. Такое благословение можно рассматривать как свидетельство того, что понимание важности катехизации начинает охватывать все «слои» церковного общества, как его «низ», так и «верхи». Только в такой всеобщей, соборной заинтересованности и открывается реальный шанс что-то принципиально изменить в деле катехизации в нашей церкви». В том же репортаже отмечалось, что выступления на конференции были весьма разнообразными – от почти академических докладов до простых сообщений, обобщающих некие практические наработки или просто свидетельствующих

Окончание на с. 6-7

Выход из рабства

Интервью со священником Георгием Кочетковым

Не философ и не богослов, а «свободный христианский мыслитель», Бердяев внес существенный вклад в разработку важнейших проблем, по сей день актуальных не только для христианства, но и для современной цивилизации. Он, без сомнения, принадлежит к плеяде людей, которые составляют золотой фонд того, что в XX веке русский народ даровал всему миру.

О том, что значит для нас сегодня его наследие, мы беседуем с ректором Свято-Филаретовского института профессором священником Георгием Кочетковым. В течение многих лет отец Георгий преподаёт курс «Проблемы мистики», важную часть которого составляет обсуждение со студентами одной из ключевых работ Бердяева.

Факт, широко растиражированный СМИ, – то, что кремлёвским чиновникам рекомендовано в обязательном порядке прочитать «Философию неравенства. Письма к недругам по социальной философии». Вы знаток трудов Бердяева. Как Вы считаете, это может быть полезным для нашей страны? Выбор именно этого произведения Вас удивляет или Вы считаете его удачным?

Во-первых, насколько я знаю, рекомендовано читать не всю работу «Философия неравенства» Николая Александровича Бердяева, а только избранные небольшие части, отдельные параграфы. Думаю, это будет не такое простое чтение для наших чиновников. Хотя эта работа довольно простая и сравнительно ранняя, написанная сразу после революции, однако она требует достаточно большой культуры – философской, социальной, духовной и даже религиозной. Я не очень уверен, что наши чиновники такой куль-

турой обладают. Во-вторых, я предполагаю, что им особо не с чем сравнивать. И в-третьих, думаю, что это всё-таки не центральная работа Бердяева.

Имя Бердяева звучало в положительном, но, правда, немножко странном контексте, странном потому, что его стали вписывать в некую не очень подходящую для него концепцию так называемого динамичного консерватизма. Бердяев, конечно, очень хорошо знал традицию и умел её творчески развивать, но он человек, всегда устремлённый вперёд и вверх, чего опять же трудно ожидать от психологии современных чиновников. Поэтому я не знаю, что из этого получится в реальности. Думаю, что не много.

И всё-таки упоминание имени великого русского мыслителя, философа, богослова и социального мыслителя и деятеля, конечно, факт положительный. Только дай Бог, чтобы Николай Александрович, если уж кто-то будет его читать, был прочитан правильно, без искажений, без объективации его наследия.

Окончание на с. 4

«Бог может действовать только на свободу, в свободе и через свободу»

Николай Александрович Бердяев родился 18 марта 1874 года в Киеве в аристократической нецерковной семье. С подросткового возраста почувствовал призвание к философии, в 14 лет прочитал Канта и Гегеля. Во время учёбы в Киевском университете примкнул к марксистскому движению. Был арестован, исключён из университета. Вскоре разочаровался в марксизме, разглядев в нём тенденцию к тоталитаризму. Обличал октябрьский переворот 1917 года как ведущий к членоконевистничеству. Дважды был арестован в советской России, а затем выслан из страны на «философском пароходе» в 1922 году. В эмиграции основал журнал «Путь», ставший органом русской христианской мысли в Европе. Скончался за рабочим столом 23 марта 1948 года в Кларе под Парижем.

Из книги Н.А. Бердяева «О рабстве и свободе человека»

Из главы «Духовное освобождение человека. Победа над страхом и смертью»

Человек находится в рабстве, он часто не замечает своего рабства и иногда любит его. Но человек стремится также к освобождению. Ошибочно было бы думать, что средний человек любит свободу. Ещё более ошибочно думать, что свобода лёгкая вещь. Свобода трудная вещь. Оставаться в рабстве легче. Любовь к свободе, стремление к освобождению есть показатель уже некоторой высоты человека, свидетельствует о том, что человек внутренне уже перестаёт быть рабом. В человеке есть духовное начало, независимое от мира и не детерминированное миром. Освобождение человека есть требование не природы, разума или общества, как часто думают, а духа. Человек не только дух, он сложный состав, он также и животное, также и явление материального мира, но человек также и

дух. Дух есть свобода, и свобода есть победа духа. Но ошибочно было бы думать, что рабство человека происходит всегда от власти животного-материальной стороны человека. В самой духовной стороне человека могут быть тяжёлые заболевания, может быть раздвоение, может быть экстериоризация и самоотчуждение духа, может быть утеря свободы, может быть пленение духа. В этом вся сложность проблемы свободы и рабства человека.

Из главы «Прельщение и рабство национализма. Народ и нация»

Истина всегда бывает в личности, в качестве, в меньшинстве. Но эта истина в своём жизненном проявлении должна быть связана с народной жизнью, она не означает изоляции и замыкания. Национальный мессианизм есть соблазн, он не совместим с христианским универсализмом. Но вера в призвание своего народа необходима для его исторического существования.

Окончание на с. 8

Официальные новости

Митрополит Варсонофий поддержал идею сохранения своеобразие Санкт-Петербургской митрополии

Новый митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Варсонофий прибыл 22 марта в Петербург. На Московском вокзале его встречали губернатор города Георгий Полтавченко, настоятели крупнейших храмов и монастырей Петербурга и горожане.

Митрополит Варсонофий ответил на вопросы журналистов прямо на перроне. Он сказал, что будет рад служить в Петербурге и планирует «укреплять здесь православие, восстанавливать и строить новые храмы, воскресные детские школы». Владыка поблагодарил

митрополита Владимира за большую работу в Петербурге.

Последний вопрос митрополиту Варсонофию прозвучал от газеты «Кифа»:

Каким Вы видите своеобразие Санкт-Петербургской митрополии и планируете ли Вы его сохранять?

Митрополит Варсонофий: Конечно! Мы будем всё только улучшать. А то, что здесь наработано, – останется.

Своеобразие в митрополии действительно есть – я читаю отчёты и знаю, что это так.

Затем митрополит Варсонофий поехал в Казанский кафедральный собор, где совершил молебен.

Справка

Митрополит Варсонофий – постоянный член Священного Синода Русской православной церкви, Управляющий делами Московской Патриархии. Родился 3 июня 1955 г. в многодетной крестьянской семье. В 1976–1979 гг. обу-

чался в Московской духовной семинарии. В 1982–1986 гг. обучался в Московской духовной академии, защитил кандидатскую диссертацию по истории Афона. После окончания МДА направлен на пастырское служение в Пензенскую епархию. В 1991 г. рукоположен в архиерейский сан, стал епископом Саранским и Мордовским (с 2001 г. – архиепископ). 31 марта 2009 г. назначен исполняющим обязанности Управляющего делами Московской Патриархии, 25 декабря 2009 г. утверждён в этой должности. 1 февраля 2010 г. возведён в сан митрополита. С 22 марта 2011 г. – член Высшего церковного совета Русской православной церкви. В октябре 2011 г. был назначен главой Мордовской митрополии, решением последнего Синода (март 2014 г.) – главой Санкт-Петербургской митрополии.

Материал подготовила Анастасия Наконечная

Церковь и общество

Истоки нашей силы и слабости

Завершилась ли в нашей стране гражданская война 1917 года или продолжается по сей день? Будет ли покаяние народа проявлением силы или слабости? Какие реальные шаги по возрождению исторической памяти инициируют московские жители?

Ответы на эти вопросы прозвучали на седьмом заседании семинара «Историческая память: XX век», прошедшем в Высшей школе экономики 17 марта. Семинар проводится под эгидой Постоянной комиссии по исторической памяти Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека.

«Белая» армия – банда?

Вопросам реабилитации жертв гражданской войны начала XX в. и перспективам национального примирения в современной России был посвящён доклад Константина Морозова, профессора кафедры гуманитарных дисциплин факультета государственного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ, заместителя председателя совета Научно-информационного и просветительского центра «Мемориал». По словам выступавшего, основная сложность с реабилитацией участников гражданской войны лежит в юридической плоскости: какую власть в период гражданской войны следует считать легитимной?

Константин Николаевич привёл несколько ярких примеров осуждения участников гражданской войны, которые носили необоснованный и порой даже нелепый характер. В частности, министры правительств, которые создавались на территориях, занятых белыми, осуждались как коллаборационисты, т. е. пособники оккупантов. Или такой факт: в законе о реабилитации нет иных определений, кроме как «военные формирования красной армии», поэтому предполагается, что всё, что не красная армия, а, например, белая – «бандформирования». По такой логике командующие белыми армиями рассматриваются как «главари бандформирований».

Говоря о проблеме национального примирения, Константин Морозов на-

помнил участникам семинара, что в научном историческом сообществе существует позиция, вызывающая острые дискуссии: гражданская война не завершилась и по сей день. По мнению докладчика, гражданская война завершилась в 60–70-х гг. XX столетия – период, существенно отличающийся от того, который указывают в энциклопедиях и справочниках (1922/1923 гг.).

Шаг сильного человека и сильного народа

С докладом «Что такое покаяние в церковном понимании (личное и общественное)» выступил на семинаре Дмитрий Гасак, председатель Преображенского содружества малых православных братств.

Докладчику удалось осветить все аспекты этой темы через историю восприятия в церкви самого понятия «покаяние». Он говорил о том, что покаяние всегда кажется «несвоевременным»:

«Чаще всего человек бывает к нему не готов, – подчеркнул Дмитрий Гасак. – Несвоевременность покаяния обусловлена и тем, что оно не является естественным событием, оно чаще всего противостоит естеству и, как правило, внезапно... Это всегда внутренний переворот в сердце человека».

Покаяние – акт, созидующий и собирающий личность человека, проявление духовной силы человека, мужества и дерзновения. Однако у покаяния кроме личностного измерения должно быть и

общественное: в истории действуют не только личности, но и сообщества, народы.

«Некоторые ошибки, преступления и грехи имеют не столько индивидуальное, сколько общественное значение и требуют соответствующей реакции общества», – сказал Дмитрий Гасак.

Тему покаяния необходимо сделать доступной для современного общества, «перевести» её на понятный ему язык. Все участники семинара сошлись во мнении, что эту тему необходимо развивать, поскольку состояние нашего общества вызывает много опасений. Одно из проявлений кризиса – то, что у нас одни и те же вещи часть населения считает безусловным добром, а другая – злом. Нет единых ценностных оснований жизни. И даже если мы, говоря о них, произносим одни и те же слова, мы вкладываем разное содержание. И именно перемена ума и жизни – покаяние – позволит обрести единое понимание.

Мы хотим помнить о том, что было с нашей страной

Во второй части семинара шёл разговор о том, что для возрождения исторической памяти хотят сделать жители Москвы. Елена Жемкова, член правления Международного общества «Мемориал», рассказала о проекте «Последний адрес», объединившем историков, правозащитников, гражданских активистов, дизайнеров и архитекторов. Его цель – увековечить на улицах российских городов имена жертв политических репрессий. Небольшая памятная табличка с именем, профессией, годами жизни человека может быть установлена по личной инициативе и на средства кого-то из граждан на доме, который стал последним адресом расстрелянного. Важно, чтобы у каждой таблички был свой «попечитель», чтобы люди были готовы нести ответственность за сохранение памяти. Сейчас проект находится на стадии согласования в правительстве Москвы.

Она рассказала, что с инициативой таким образом возродить память о жертвах репрессий выступили некоторые московские товарищества собственников жилья. Причём их настойчивость и желание

осуществить этот проект были настолько велики, что люди, не дожидаясь решений разных инстанций, были готовы сами сделать и установить мемориальные знаки.

В свою очередь протоиерей Кирилл Каледа, настоятель храма Святых новомучеников и исповедников Российских в

Бутово, внук сщмч. Владимира Амбарцумова, и Игорь Гарькавый, директор мемориального музея «Бутово», сообщили об установке памятных досок на храмах Московской области священнослужителям, погибшим во время репрессий. Отец Кирилл рассказал о недавней установке такой памятной доски в храме одного из сёл Подмоскovie. По его словам, поражает тот факт, что впервые в истории России на трассе установили указатель не только с названием храма, но и с упоминанием того, что в этом храме служил священномученик.

Семинар «Историческая память: XX век» действует под эгидой Постоянной комиссии по исторической памяти Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека с 2011 года и собирает известных общественных деятелей, политиков, историков, журналистов для обсуждения темы возрождения исторической памяти в нашей стране. Ведёт семинар декан факультета мировой экономики и мировой политики Высшей школы экономики Сергей Караганов.

Информационная служба Преображенского братства

gazetakifa.ru

Издание Преображенского содружества малых православных братств

Кифа

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).

Главный редактор: А. В. Колымагина

Адрес редакции и издателя: 105062, г. Москва, ул. Покровка, д. 29

Тел./факс: +7 (495) 624-9250

Электронный адрес редакции: kifa@list.ru
gazetakifa@gmail.com

Подписной индекс в агентстве Роспечать – 19601

Над номером работали: Анастасия Наконечная, Максим Дементьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Дмитрий Дорошко, Светлана Калинина, Татьяна Тыртыш, Мария Кайкова

Дизайн и верстка: Марина Подкопаева

Учредитель: Культурно-просветительский фонд «Преображение».

Газета издается с октября 2002 г.

Культурно-просветительский фонд «Преображение».

Все права защищены.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Нашу газету можно приобрести: в интернет-магазине predanie.org; в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д. 29, оф. 38); в Санкт-Петербурге: в киоске «Предание», тел. +7-963-316-37-81.

Телефоны распространителей

Москва: +7-964-534-64-55 (Александра Ошарина), +7-965-146-14-56 (Анна Гринман), +7-965-128-15-07 (Марина Чиркова)
Санкт-Петербург: +7-963-316-3981 (Анастасия Наконечная)

США, Канада: 1-651-210-4922, oleg@voskres.net (Олег Воскресенский)

Архангельск: +7-921-073-3276 (Надежда Макурина)

Вельск: +7-921-247-1137 (София Кудрявцева)

Воронеж: +7-950-763-5035 (Александр Терехов)

Екатеринбург: +7-904-388-0391 (Татьяна Благодарова)

Рязань: +7-920-632-06-71 (Сергей Гаврилов)

Северодвинск: +7-964-296-9042, (Татьяна Колпакова)

Тверь: +7-909-266-88-83, +7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)

Тула: +7-920-746-69-73 (Марина Писаревская)

Электросталь: +7-926-787-4305 (Ольга Кузнецова)

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г.

Отпечатано в типографии «Бюрок», г. Москва, ул. Сущевский вал, д. 49.

Тираж 1350. Цена свободная.

Выпуск подписан в печать 29 марта 2014 г. Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00.

Дата выхода в свет 31 марта 2014 г.

Цельность человека – центр христианского откровения о спасении

Интервью с членом Межсоборного присутствия, зав. кафедрой богословских дисциплин и литургии СФИ Давидом Гзгзяном

Тема антропологии не только догматическая, но и не до конца в церкви разработанная. Как мы можем говорить о ней на основном этапе оглашения? Где граница той основы, которую можно назвать общепризнанным учением церкви? И есть ли она в отношении учения о человеке?

Основа, конечно, существует. И поскольку на оглашении речь идёт о самых принципиальных и основополагающих вещах – а здесь нужно раскрывать фундаментальные стороны божественного откровения, связанные с человеком, его местом перед Богом, – то неразработанность некоторого генерального общецерковного учения определяющим образом на оглашение не влияет. Катехизатору в первую очередь нужно собрать и систематизировать свято-отеческие толкования тех мест, которые касаются сотворения человека и его предназначения, смысла грехопадения, а также основных акцентов христианского учения о спасении. И хотя разработка общего антропологического церковного учения продолжает оставаться чрезвычайно желательной и востребованной, всё-таки уровень катехизации не предполагает, как известно, апелляции к трудным и проблемным сторонам вероучения, и поэтому одно с другим здесь принципиально не связано.

Насколько на уровне оглашения можно раскрывать темы личности и свободы, по-новому прозвучавшие в XX веке?

Если речь идёт о том, чтобы эти фундаментальные представления затронуть и обозначить (что, собственно, и требуется на оглашении), – это одна ситуация. И в этом случае обращение к таким понятиям, как свобода, личностность, спасение в творчестве очень востребовано как раз потому, что мы имеем дело не с отвлечёнными катехуменами, а с людьми, которые живут в нашей стране в XXI веке, – а значит, людьми с выраженными экзистенциальными запросами. Так что тут, мне кажется, сомнению не подлежит, что затрагивать весь этот круг представлений, обозначившийся в XX веке, в том числе в православном богословии, необходимо; другое дело, что затрагивание – это совсем не раскрытие, не дискуссия вокруг трудных вопросов, которые, безусловно, возникают в связи с обращением к подобным понятиям. Здесь, как и вообще в принципе при подходе к оглашению, к его тематике, к вопросам последовательной и целостной подачи церковного учения (это касается и тех этапов оглашения, которые в первую очередь обсуждаются на конференциях), необходимо соблюдать принципиальное разграничение: этапы слушания и просвещения не предполагают прямого обращения к догматическому учению церкви, на них речь идёт только о том, чтобы помочь человеку в церковь войти. Поскольку на основном этапе катехизации мы ограничиваемся комментированием Символа веры, такая позиция методологически и богословски принципиальна.

Можно ли пояснить эту разницу примером?

Скажем, на тех этапах оглашения, которые предшествуют воцерковлению, не принято было говорить об общей антропологической структуре человека (и до сих пор целесообразно сохранять такой подход). Принято было её лишь обозначать: можно упомянуть, что человек может быть трактован как «трёхуровневое» существо, состоящее из духа, души и тела, но не стоит вдаваться в собственно вероучительный

аспект, когда мы начинаем пространно рассуждать, что бы это значило, потому что тогда поневоле придётся затрагивать спорные, трудные вопросы – где граница духа, где граница души, как человеческий дух соотносится с божественным и так далее. Эти сложности, конечно, на оглашении опускаются. Они даже и на первых порах церковной жизни оказываются ещё не вполне доступными человеку – просто потому, что твёрдая пища не сразу может быть переварена. Дело, таким образом, не в сокрытии, просто по опыту церковного оглашения видно, что определённые вещи человеку не сразу становятся доступны, и поэтому, как правило, внутреннего интереса и, соответственно, вопросов не вызывают. Но обозначать эти вещи по инициативе катехизатора, конечно, необходимо. Вот это и называется помочь войти: обозначить принципиальные моменты, но не вдаваться в сложности, то есть как бы не воссоздавать на глазах изумлённой публики целостного учения, потому что оно для человека, который делает первые шаги даже не в церкви, а в сторону церкви, пока ещё не доступно.

Спасибо. Но здесь речь о разнице между оглашением и жизнью в церкви. А как можно проиллюстрировать разницу между вторым (основным) и третьим (таинствовавшим, мистагогическим) этапами оглашения?

Разница между вторым и третьим этапом касается того, что на третьем этапе прямо комментируются все фундаментальные вероучительные аспекты. Они именно систематически комментируются, но при этом оглашаемые не входят в проблемные вопросы. Им возвещается то, что церковь полагает бесспорным. А поскольку речь идёт о бесспорных вещах, не проблематизируемых, то это в принципе некий элементарный уровень. Я говорю о том, что вообще на оглашении стоит говорить, а чего говорить не стоит. Разумеется, что разница между вторым и третьим этапом ещё и в содержании. На третьем этапе речь идёт о внутрицерковном учении, а на втором этапе о систематическом вероучении желательнее без особой нужды не говорить вообще. Потому что и первый, и второй этап – и слушание, и просвещение – всё-таки в значительной степени рассчитаны на то, чтобы помочь вхождению в церковь, и значит, на первых порах речь идёт преимущественно о реагировании на живые вопросы, обозначенные самими оглашаемыми. Конечно, на этапе просвещения гораздо большее место, чем на этапе слушания, занимает упорядоченное систематизированное повествование. Но это повествование, которое комментирует историю и общий смысл божественного откровения, а не систему вероучения. На третьем же этапе мы уже пытаемся ввести новопросвещённых и в систему вероучения, но на уровне элементарном и, соответственно, бесспорном. Можно себе представить при таком подходе, что будет, если мы начнём пространно рассуждать о таких категориях, как личностность, свобода, человеческий дух, трёхчастная или двухчастная антропология. Это будет перегрузка, которая обернётся в итоге не тем, что у оглашаемого наступит ясность (а это главная цель катехизического просвещения), а прямо наоборот: тем, что возникнет путаница. А вот чего катехизатор принципиально не имеет права допускать – так это того, чтобы провоцировать путаницу в сознании катехуменов.

Люди приходят на оглашение со своим «багажом», соответствующим представлениям современной

науки, в том числе в области антропологии. Нет ли резкого противоречия между этими представлениями и основами вероучения? Известно, что, скажем, протестантские фундаменталисты ведут настоящую войну с дарвинизмом. А возможен ли в этой сфере реальный диалог?

Мне кажется, вопрос о том, возможен или невозможен диалог – тривиален. А что ещё возможно кроме диалога, когда мы общаемся с живыми людьми, да ещё и заинтересованными? В противном случае надо или молчать, или отбиваться от нападок, если таковые появляются.

Трудность представляет другой вопрос: каков может быть режим конструктивного общения. Потому что известно, что принципиальная проблема и даже заблуждение – причём с обеих сторон, если говорить о теологах с одной стороны и деятелях науки – с другой, состоит в том, что считается, будто бы это поле возможного диалога очевидно. Главное, что показала история современных дискуссий (как правило, малосодержательных) и, соответственно, довольно пустых столкновений между, условно говоря, «теологической» и «сциентистской» партией, – что общего поля очень часто нет, по крайней мере, его очень трудно нащупать. Давно ясно, что в пределах научного мышления со времён Лапласа «гипотеза о Боге не является конструктивным элементом в науке», при том что сами люди, которые работают как учёные, могут быть как верующими, так и неверующими. Но то поле, в котором они находятся, будучи учёными, у них-то как раз общее, и оно совершенно нейтрально по отношению к вере. И вот как вследствие этого нам нащупать то пространство, в котором мы будем представлять друг для друга взаимный интерес (имеются в виду учёные и богословы), – это и есть самая главная и очень нетривиальная задача. И на сегодняшний день это вопрос открытый.

А известны ли Вам учёные, которые открыты к такому диалогу?

Там, где есть живые люди, там всегда есть, по крайней мере, надежда на такой диалог. Да, такие люди мне известны. Их немного. Но в наш ядерный век вообще почему-то так получилось, что людей с явно выраженным позитивным живым интересом к факту собственно челове-

ского бытия – немного. Беда в том, что и среди верующих людей их не слишком много...

Есть мнение, что антропологию Бердяева можно считать позапрошлым веком, потому что в её центре стоит человек – на сегодняшний день же мы имеем дело с «размазанным» человеком, растворённым в социокультурной и виртуальной реальности. То есть с гораздо более функциональным существом, чем тот, о ком писал Бердяев. И, скажем, этого массового явления он не осмыслил. Считаете ли Вы это новым вызовом для христианства, требующим ответа?

Вообще говоря, массовизация человека как раз и происходила во времена Бердяева, и во многом то, что он писал, было реакцией на этот процесс. Поэтому я, честно говоря, не думаю, что в этом отношении Бердяев, равно как и такие люди, как Ортега-и-Гассет, например, могут устареть. Так что я не очень согласен с самой постановкой вопроса – что наследие Бердяева устарело в силу того, что он в центр ставит человека в качестве цельного существа. Такая постановка проблемы ну никак не может устареть, потому что это главная точка напряжения, если иметь в виду содержание христианского откровения о спасении. Ведь что является итогом и смыслом человеческого спасения как не восстановление, а также новое творение такого человека? Так что то, что нынешнее видение человека поневоле обречено ориентироваться на реалии, где человек массы восторжествовал, превратившись в цивилизованного потребителя, правда, утратившего социальную агрессию, скорее говорит об актуальности идей Бердяева, а не о том, что они устарели.

С катехизаторами беседовали Анастасия Наконечная и Александра Колымагина

Исцеление расслабленного. Гравюра Юлиуса фон Шнорра. Источник – сайт <http://art-club.su/>

«Бог может действовать только на свободу, в свободе и через свободу»

Из книги Н.А. Бердяева «О рабстве и свободе человека»

Человек нуждается в выходе из одиночества, в преодолении ледяной чуждости мира. Это происходит в семье, это происходит в национальности, в национальной общности. Индивидуальный человек не может прямо чувствовать себя принадлежащим к человечеству, ему необходимо принадлежать к более близкому и конкретному кругу. Через национальную жизнь человек чувствует связь поколений, связь прошлого с будущим.

... Национализм одинаково подавляет и человека, человеческую личность и человечество. Подавляет не самое качество «национального» в человеке, а объективация этого качества, превращающая его в стоящую над человеком реальность.

И «нация» и «народ» легко превращаются в идолов. Происходит объективация сильных эмоций. Самый посредственный, самый ничтожный человек чувствует себя возвышенным и приподнятым через причастность к «национальному» и «народному». Одна из причин порабощающих прельщений в том, что они дают человеку большее чувство власти. Делаясь рабом идола, он чувствует себя поднятым на высоту. Человек делается рабом, но без рабства он бы чувствовал себя ещё ниже стоящим. Когда человек безличен и в нём не раскрывается никакое универсальное содержание, то порабощение разного рода объективациями даёт ему ощущение наполненности. Этому рабству может противостоять только личность с духовным содержанием. «Национальное» легче всего наполняет пустоту, это оказывается возможным для огромных масс и не предполагает никаких качественных достижений. При этом отрицательные чувства, ненависть к евреям или к другим национальностям играют большую роль, чем положительные чувства. Так называемый национальный вопрос в сущности не может быть справедливо разрешён. С ним всегда бывает связана борьба. Вся история есть несправедливая аннексия. Национальности созданы несправедливым и насильственным подбором, как и исторические аристократии.

... В то время как национальное, народное входит в конкретно-универсальное, как входят все ступени индивидуализации, национализм не только враждебен универсализму, но и разрушает его. Так же враждебен национализм персонализму. Национализм нужно отрицать и во имя личного, и во имя универсального. Это не значит, что нет никакой ступени между личным и универсальным, но это значит, что находящаяся ступень национального не должна поглощать ни личного, ни универсального, а должна быть соподчинена им. Во всяком случае, должно быть отдано предпочтение «народному» перед «национальным». Христианство есть религия персоналистическая и универсальная, но не национальная, не родовая религия. Всякий раз, когда национализм провозглашает: «Германия для немцев, Франция для французов, Россия для русских», — он изобличает свою языческую и бесчеловечную природу. Национализм не признаёт ценности и прав всякого человека потому, что он, человек, имеет образ человека и образ Бога, несёт в себе духовное начало. Национализм есть самая распространённая в мире эмоция, наиболее человеческая, так как наиболее свойственна человеку, и наиболее античеловеческая, наиболее делающая человека рабом экстернизированной силы. Ошибочно и поверхностно думать, что защита немца, француза или русского есть защита конкретного существа, защита же человека, всякого человека, потому что он человек, есть защита абстракции. Как раз наоборот. Защита национального человека есть защита отвлечённых свойств человека, и притом не самых глубоких, защита же человека в его человечности и во

имя его человечности есть защита образа Божия в человеке, т. е. целостного образа в человеке, самого глубокого в человеке и не подлежащего отчуждению, как национальные и классовые свойства человека, защита именно человека как конкретного существа, как личности, существа единственного и неповторимого. ... Тот, кто не видит брата в человеке другой национальности, тот не только не христианин, но и теряет свою собственную человечность, свою человеческую глубину. Страстные эмоции национализма выбрасывают человека на поверхность и потому делают человека рабом объектности.

Из главы «Пrelude и рабство аристократизма. Двойной образ аристократизма»

... Духовный аристократизм в отличие от аристократизма социального есть аристократизм личный, аристократизм личного благородства, личных качеств и даров. Персонализм предполагает аристократизм личных качеств, противостоящих всякому смешению с бескачественной массой, аристократизм свободы в противоположность детерминизму, под которым живёт раса и каста. ... Рыцарство было огромным творческим завоеванием в моральном сознании. Аристократ первый в человеческом обществе почувствовал личное достоинство и честь. Но ограниченность его была в том, что он почувствовал это лишь для своей касты. Аристократизм свободы, аристократизм личного достоинства и чести должен быть перенесён на всех людей, на всякого человека, потому что он человек.

... Чувство вины и чувство жалости — аристократические чувства. Чувство обиды и чувство зависти — плебейские чувства. Слово «плебейский» я употребляю здесь в психологическом смысле. Весь смысл существования аристократического духовного типа — в существовании типа людей, которые не склонны испытывать состояние обиды и зависти, ressentiment (нем.: (затаённая) обида; неприязненное чувство; (неосознанная) зависть, вражда — ред.) и которым более свойственно испытывать состояние вины и жалости, сострадания. Но социализация аристократического душевного типа, т. е. образование аристократической касты, всегда ведёт к тому, что вместо подлинно аристократических душевных свойств являются свойства совсем иные — гордость, превозношение, презрение к низшим, защита своих привилегий.

... Аристократическая порода необычайно чувствительна и страдающая. Господа же грубы и бесчувственны. Господин, в сущности, — плебей, господство есть плебейское дело. В процессе объективации обнаруживается плебейство духа. Образование объективированного общества есть плебейское дело. Но значит ли это, что личный аристократизм остаётся как бы замкнутым в себе и ни в чём не выраженным вовне? Конечно нет. Но он выражает себя в иной перспективе, не в перспективе общества, а в перспективе общения, не в перспективе социализации, а в перспективе коммюнитарности, в персоналистической общности людей, общения «я» с «ты», а не с «он», не с объектом. Это есть перспектива эсхатологическая по отношению к этому миру, но она означает изменение этого мира, прорыв, прерыв той инерции, которая порождена объективацией. Это значит также, что человек не будет более господствовать над человеком.

Из главы «Пrelude и рабство революции. Двойной образ революции»

Нет ничего вечного, нет ничего установленного Богом в объективированном мире. Возможно лишь достижение временного равновесия и непрочного, кажущегося благополучия. За сравни-

тельно короткий период люди при-выкают к отсутствию кризисов, войн, революций. Но почва всегда остаётся вулканической. Годы относительного равновесия и спокойствия скоро проходят, лава извергается из недр земли, обостряются непреодолимые противоречия. Революции, неизбежные в существовании обществ, внушают одним ужас и отвращение, другим же внушают надежду на новую, лучшую жизнь. Человеческим обществом управляет князь мира сего, и управляет в неправде. Поэтому естественно, что против этого управления периодически происходит восстания. Но очень скоро этими восстаниями против неправды вновь овладевает князь мира сего и творит новую неправду. В этом двойственность революции. В революции есть момент эсхатологический, как бы приближение к концу времён. Но революция есть болезнь, она свидетельствует о том, что не нашлось творческих сил реформирования общества, что силы инерции победили. В революции есть демонический элемент, в ней происходит взрыв духа мести, ненависти и убийства. В революции всегда действует накопившееся ressentiment и побеждают творческие чувства. Желать можно только революции, в которой не будет демонического элемента, но он всегда в известный момент побеждает. Революция в очень малой степени стоит под знаком свободы, в несоизмеримо большей степени стоит под знаком фатума.

Из главы «Пrelude войны и рабство человека у войны»

Романтизм войны, которому легко поддаётся и современная молодёжь, есть самый отвратительный романтизм, так как он связан с убийством, и притом не имеющий никаких оснований. Современная война есть страшная проза, а не поэзия, и в ней преобладает беспросветная обыденность. Если войны прежних веков связаны были с личной храбростью, то это совершенно неприменимо к современным тоталитарным войнам. Так же как в современном государстве обнажается культ грубой силы и демоническая воля к могуществу, так и в современной войне обнажается демоническая мировая бойня, в грандиозных размерах истребляющая человечество и цивилизацию. Прежние войны были локализованы и ограничены. Современная война тоталитарна и абсолютна, как тоталитарными и абсолютными хотят быть современные государства. Смешно говорить о военных доблестях в современных химических войнах, истребляющих мирное население. Скоро даже войско не будет иметь никакого значения. Война совершенно механизирована и индустриализирована, она находится в соответствии с характером современной цивилизации. При этом техника войны такова, что вряд ли даже могут быть победители, все окажутся побеждёнными и уничтоженными. В руки людей, одержимых волей к могуществу, соблазненных ложными ценностями, попадают страшные орудия, по сравнению с которыми прежние орудия были детскими игрушками. И судьба человечества делается целиком зависящей от духовного переворота, от морального состояния людей.

... Не думаю, чтобы верно было говорить о справедливых и несправедливых войнах. Это — применение моральной оценки к явлению, которое находится вне какой-либо морали. В прошлом войны бывали наименьшим злом, они иногда защищали справедливость. Сейчас война не может быть наименьшим злом, сейчас обнажается её сатанинская природа. Понятие «священной» войны и в прошлом было кощунственным.

... С эпохи Ренессанса люди начали думать, что мысль, знание, наука и литература, печатание книг имеют огромное, главенствующее значение. С нашей

НИКОЛАЙ
БЕРДЯЕВ

Николай Бердяев

О рабстве и свободе человека

«Человек есть царь и раб... Я вижу три состояния человека... которые можно обозначить как «господин», «раб» и «свободный». Господин и раб... не могут существовать друг без друга. Свободный же существует сам по себе... Мир рабства есть мир отчуждённого от себя духа».

эпохи начинается обратное движение. Опять думают, что главное — действовать мечом, да ещё каким отвратительным «мечом», что первые люди — военные, что война и убийства — главные средства. Но действующие мечом не ограничены уже никакими высшими началами, как было всё-таки в средние века. Ступеньвается самое различие между состоянием мира и войны. Состояние мира есть тоже состояние войны, и войны ведутся без всякого объявления войны. ... Продолжается соблазн военным героизмом и могуществом, но это лишь пропаганда, всегда лживая, никакой подлинный героизм более невозможен, ибо героизм предполагает существование личности. Современное государство и современная война никакой личности не признают.

Из главы «Духовное освобождение человека. Победа над страхом и смертью»

Дух экстернизируется, выбрасывается вовне и действует на человека, как необходимость, и он возвращается к себе, внутрь, то есть к свободе. Одну сторону этого процесса духа понимал Гегель, но не всё понимал, не понимал, может быть самого главного. Человек свободный должен чувствовать себя не на периферии объективированного мира, а в центре мира духовного. Освобождение и есть пребывание в центре, а не на периферии, в реальной субъективности, а не в идеальной объективности. Но духовная концентрация, к которой зовут все наставления духовной жизни, может быть двойственна по своим результатам. Она даёт духовную силу и независимость от терзающей человека множественности. Но она может суживать сознание и вызывать одержимость одной идеей. Тогда духовное освобождение превращается в новую форму прельщения и рабства. Это знают люди, которые идут духовным путём. Никогда не даёт освобождения простое бегство от реальности или отрицание реальности. Духовное освобождение есть борьба. Дух не есть отвлечённая идея, не есть универсалии. Не только каждый человек, но и собака, кошка, букашка есть более экзистенциальная ценность, чем отвлечённая идея, чем общеуниверсальное. Духовное освобождение сопровождается переходом не к абстракции, а к конкретности. Об этом свидетельствует Евангелие. Духовное освобождение есть победа над властью чуждости. В этом смысл любви. ... Окончательное освобождение возможно только через связь духа человеческого с духом Божиим. Духовное освобождение есть всегда обращение к большей глубине, чем духовное начало в человеке, обращение к Богу. Но и обращение к Богу может быть поражено болезнью и превратиться в идолопоклонство. Поэтому необходимо постоянное очищение. Бог может действовать только на свободу, в свободе и через свободу. Он не действует на необходимость, в необходимости и через необходимость. Он не действует в законах природы и законах государства.